

Подарок от юбиляра

Иж. клуб. - 1997. - 13 нояб. - с. 5.

18 ноября замечательному кинорежиссеру, народному артисту СССР Эльдару Рязанову исполняется 70 лет. Накануне этой даты мы обратились к Эльдару Александровичу с просьбой о встрече. "Ну вот, еще одно интервью, — пробурчал мэтр в трубку. — А предложу-ка я лучше на суд ваших читателей кое-что из своего литературного творчества". И уже на следующий день на редакционном столе лежал пухлый конверт с размашистой надписью: "Для газеты "Вечерний клуб" от Рязанова Э. А." Читайте подарок от вашего любимого кинорежиссера.

Сюжеты

от министра

В морозное утро второго января 1957 года я возился в холодном гараже, пытаюсь завести свою первую машину «Победа». С этого дня у нас с женой начинался отдых в писательском доме «Малеевка», что в сотне километров от Москвы. Шесть дней назад моя первая игровая лента «Карнавальная ночь» начала с триумфом демонстрироваться на экранах. Появились восторженные рецензии. Я еще не стал знаменитым, но начинал становиться известным. Зоя, моя первая жена, с которой мы шесть лет проучились в мастерской Козинцева во ВГИКе, прибежала ко мне во двор, в гараж, и сообщила:

— Только что звонили от Михайлова. Он немедленно приглашает тебя к себе.

— А зачем? — полюбопытствовал я.

— Секретарша не сказала. Только говорила, чтоб ты срочно позвонил. Я на всякий случай сказала, что у нас с сегодняшнего дня путевка, и ты, может, уже уехал... Мол, пойду посмотрю...

Дело в том, что Михайлов был министром, а я еще ни разу в жизни не видел ни одного живого министра. Тем более ни один министр ни разу меня НЕ ПРИГЛАШАЛ!

— Ты что! — возмутился я. — Пойду немедленно звонить.

— По-моему, не стоит... — сказала умная Зоя. — Уехали мы, и все...

— А вдруг что-то очень важное, — упирался я. — Ты что?..

Я позвонил по оставленному секретаршей номеру, и мне было сказано, что министр срочно приглашает (именно приглашает) меня к себе.

— Еду! — сказал я окрыленно. Я понимал, что вот, наконец-то, начинается настоящая жизнь.

Чемоданы, собранные для поездки в писательский Дом творчества — не в какой-нибудь там захудалый профсоюзный дом отдыха, — стояли у двери. Машина, слава Богу, завелась, и я поехал на улицу Куйбышева, где размещалось Министерство культуры СССР.

Николай Александрович Михайлов ранее был комсомольским вожаком всей советской молодежи. А потом, очевидно, в связи с тем, что он с годами подрос, его бросили на культуру. Далее его сменила на этом посту сама Фурцева. Сперва министр поздравил меня с успехом моей первой комедии и сказал, что у него для меня есть два замечательных творческих предложения — сюжеты для следующей постановки. Я был растроган вниманием и заботой столь высокого лица.

— Я депутат от Омской области, — сказал Михайлов. — Мне звонил секретарь обкома. Они хотят сделать музыкальную картину об Омском хоре. Вот здесь у меня сценарий Тряпичкина (клянусь чем угодно, фамилия подлинная). Вещь, по-моему, правильная. Почитайте и позвоните мне. Я обещаю моим омским избирателям, что мы выполним их наказ и подарим им веселую картину.

И он протянул мне рукопись. Я ватными руками взял и промычал что-то невнятное: мол, уезжаю отдыхать, прочту обязательно, спасибо большое за внимания... но я не знаю...

— А теперь второй сюжет. Великолепный! — Михайлов говорил очень тихо, его было еле слышно, я напрягал изо всех сил свои молодые тогда здоровые уши, чтобы уловить, о чем речь. Потом я заметил, что шепотом разговаривал с подчиненными не только он. Познакомившись некоторое время спустя и с другими начальниками, я отметил, что все они ведали на грани слышимости. Оказывается, это шло от сознания собственной значительности. Мол, нечего глотки драть, пусть тужатся и ловят указания. На то они и нижестоящие...

Второй сюжет заключался в следующем. Хрущев в то время как-то обмолвился, что образование должно быть с производственным уклоном, чтобы из школы выходили не белоручки, а моло-

ФОТО ВАЛЕРИЯ ПЛОТНИКОВА.

дежь, подкованная знанием каких-либо ремесел. А раз вождь сказал, значит, велела партия, значит, надо выполнять. И министр рассказал сюжет. Не знаю, сам ли он его сочинил или его кто-то надумил, но рассказывал Михайлов хоть и тихо, но с вдохновением:

— Представляете, в гостиницу районного центра приехала бригада студентов строительного техникума, чтобы отремонтировать сельскую школу. И одновременно в эту же гостиницу приехала футбольная команда из какого-то поселка играть матч в совхозе. Им подали автобусы, но перепутали. И футболистов привезли на строительство сельской школы, а студентов техникума — на совхозный стадион. И что же? Футболисты замечательно отремонтировали школу, а студенты превосходно сыграли в футбол!

И Михайлов победоносно посмотрел на меня. Я сидел ошарашенный, выпучив глаза... Потом я с тоской подумал, что первый день путевки пропал, ибо мы попадем в Малеевку только поздним вечером. И еще я подумал: Зоя была права, когда говорила, что не надо ходить к министру. Кстати, почему-то все мои три жены были в этих вопросах умнее меня. И не только в этих.

С тех пор я усвоил, что слова «министр» и, скажем, «светлая голова», или же «министр» и «умница», или же «министр» и «широкий кругозор», или же «министр» и «личность» совсем не синонимы. Они, эти слова, не находятся в близком родстве и даже просто в родстве. К таким грустным выводам я пришел, познакомившись позднее еще с несколькими руководителями нашего кинематографа, редакторами газет, цеховскими начальниками и шефами телевидения. Опыт общения с Огурцовыми освободил меня от наивности и остопопства...

Спринт к жюльену

В январе 1957 года в нашу страну приехал Чжоу Эньлай, второй человек в Китае. Это была эпоха, когда «Сталин и Мао слушали нас!». В честь китайского вождя в Кремле закатили огромный прием. И я впервые получил приглашение, впервые оказался среди

тех, кто считался цветом нации. Не скрою, я был приятно взволнован. С туалетами скверно, идти на прием не в чем. Но голь на выдумки хитра — жена вырядилась в элегантный костюм, одолженный у подружки. Меня экипировали коллективно — как говорится, с миру по нитке, — мы в эту пору отдыхали в Малеевке. Так что я напоминал в смысле одежды «сына полка». В частности, помню — галстук на мне принадлежал превосходному художнику, потрясающему парню Давиду Дубинскому. Меня пригласили на кремлевское собрание, потому что я «попал в обойму». «Карнавальная ночь», которая только вышла на экран, была тогда у всех на устах...

Шествуя на кремлевский прием в потоке суперзнаменитостей, таких как, к примеру, Сергей Образов и Александр Корнейчук, Ольга Лепешинская и Михаил Чиаурели, Тихон Хренников и Юрий Завадский, Сергей Михалков и Роман Кармен, Эмиль Гилельс и Сергей Бондарчук, я чувствовал себя приобщенным к сливкам общества.

Мы с Зоей, приодетые с чужого плеча, тем не менее нарядами не выбивались. Мы стояли в толпе светил и чувствовали себя среди них чужими. Светила сбивались в кучки, непринужденно беседовали и явно чего-то ждали. Все были как бы на стреме. Мы с Зоей простодушно решили, что все напряжены в ожидании появления Чжоу Эньлая и Хрущева. Мы тоже включились в ожидание, тем более нас никто не знал, мы тоже ни с кем не были знакомы. К нам никто не подходил и не вступал ни в какие беседы. Мы тупо торчали, окруженные шикарным бомондом. Неожиданно преследовавший мимо кинорежиссер Григорий Александров поздоровался с нами — оказывается, он меня знал — и представил нас самому Булганину, который милостиво пожал нам руки. Я был очень польщен. Через два или три дня после банкета выяснилось, что Булганин уже снят с поста Председателя Совета Министров СССР. Кстати, с комедиографом Григорием Александровым я больше никогда в жизни не встречался и не разговаривал. Судьба нас больше не сводила.

Наконец по радио последовало приглашение гостям направиться в Георгиевский зал к накрытому столу. И тут я понял, чего ждала расфуфыренная массовка, она ждала сигнала. Народные артисты и Лауреаты, Классики литературы и балета, Корифеи живописи и оперы, Мастера кинематографа и музыкальные Маэстро — их было около тысячи человек — стремительно рванули к столам. Мы с Зоей не успели оглянуться, как остались одни-одинешеньки. А еще секунду назад в глазах рябило от прославленных лиц. Мы тоже двинулись в Георгиевский зал к столам, да где там. Мы все время упирались в декорированные спины, в оголенные плечи, в дорогие пиджаки, в меха и в зады, в зады, в зады мужские и женские. Толкаться и пропихиваться к угощению было нелегко — все-таки закусывали люди, известные всей стране. То ли они заранее готовились к банкету и не ели в связи с этим несколько дней, или же неизвестное тогда слово «халыва» имело над сытыми, обеспеченными людьми столь недолимую силу? Во всяком случае, уже немолоденькие звезды проявили поистине спринтерскую прыть. Над Георгиевским залом плыл плотоядный гомон: стук тарелок, звон бокалов, лягание журиющих челюстей, нечленораздельные восклицания... Когда минут через тридцать нам все-таки удалось пробиться к столам, они представляли горькое зрелище: объедки, остатки, останки. Я даже не могу рассказать вам, дорогой читатель, о меню своего первого Кремлевского бала. Никакая фантазия не смогла бы восстановить того, чем полакомились первачи. Думаю, саранча позавидовала бы голодной оголтелости элиты...

Тогдашнее впечатление — оно было первое — оказалось сродни ожогу. Но и потом в разные времена, и отнюдь не только в нашей стране я наблюдал точь-в-точь такую же картину: богатые и сытые бежали к бесплатному шамовке. И, к моему глубокому сожалению, порой и я, опытный и поднаторевший, оказывался в первых рядах тех, кто храбро штурмовал крабы и икру, семгу и салаты, заливное и жюльены...

Сага о хорошем человеке

Он был хороший человек
И знал, что он хороший!
И с этим знаньем
прожил век,
Хорошестью обросший.

Совсем не глуп, но неумен
И как-то неталантлив...
Но все же
что-то было в нем —
Воспитан и галантен.

Был в меру лыс
и в меру тощ,
И в меру толст, пожалуй.
А в общем
просто был хорош,
Отменный, право, малый.

В охотку пил, со вкусом ел,
Коль в гости приглашали...
И барышни в свою постель
Его душевно звали.

С узбеком он всегда узбек,
С татаринном — татарин.
Он — очень славный
человек
И компанейский парень.

Он, в основном,
не делал зла,
Был, значит, положительен.
Судьба его так берегла,
Что стал он долгожителем.

Менялось все в стране:
момент,
Эпохи и формации,
А он застыл, как монумент
С хорошей репутацией.

Стал изрекать и излучать
Хорошесть, что и дело.
И мне о нем стихи писать,
Пожалуй, надоело.
1996 г.

Детское

Если все-все-все
железные дороги
Взять и вытянуть в одну,
А потом, собрав
все-все здоровье,
Эту лестницу
поставить в вышину
Так, что в черной,
звездной тишине
Прислонить верхушку
лестницы к луне,
За перила-рельсины
держаться
И по шпалам-перекладинам
подняться...
Вот откуда здорово
плеваться!

Жизнь, коль вдуматься —
простая штука:
Отыщи любовь да сбереги...
Место жизни —
ближняя округа,
Далью не прельщайся,
не беги.

Трать себя,
живи неосторожно
И старайся больше
отдавать.

Да, с людьми и сложно,
и тревожно,
Ты умей их, суетных,
прощать.

И живи! В любую непогоду,
Сочиня собственный
мотив.

А любить жену, друзей,
природу —
Не такой уж, право,
примитив.
1997 г.

Я в мир вбежал легко
и без тревоги...
Секундных стрелок ноги,
семена,

За мной гнались
по жизненной дороге,
Да где там! —
не могли догнать меня.

Не уступал минутам
длинноногим,
На равных с ними
долго я бежал.

Но сбил ступни
о камни и пороги
И фору, что имел,
не удержал.

Ушли вперед
ребята-скороспелки,
А я тащусь...
Но все же на ходу
Меня обходят
часовые стрелки,
Так тяжело сегодня я иду.